

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ
ФРАНЦУЗСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

История философии.
Современный взгляд

ФИЛОСОФСКИЕ ТЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ
Э. МИНКОВСКОГО

И.И. БЛАУБЕРГ

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

Эжена Минковского (1885–1972) считают создателем феноменологической психопатологии во Франции. Опираясь на идеи Бергсона, Гуссерля и Шелера, он разработал своеобразный вариант философской антропологии, в основе которой лежит понятие жизненного времени (*le temps vécu*). Считая проблему времени одной из главных проблем современной культуры, он видел задачу человека в том, чтобы научиться спонтанно и свободно жить во времени. Понимая время как становление в бергсоновском смысле, как суть самого бытия, как синоним жизни, Минковский перетолковывает понятие жизненного порыва, избегая обращения к сфере биологических фактов и выдвигая на первый план феноменологический подход. Для него важнейшую роль играет индивидуальный, личностный порыв, с помощью которого человек утверждает себя в окружающем мире, представляющем собой сверхиндивидуальный фактор, неразрывно связанный с человеческим «я». Критикуя традиционную психологию, а также фрейдовский психоанализ, Минковский разрабатывает собственное понятие бессознательного. Стремясь определить природу различия между психикой больного и здорового человека, он связывает это различие с тем, удастся ли «жизненному порыву», присущему каждому человеку, гармонизировать его контакт с реальностью.

Ключевые слова: Э. Минковский, философская антропология, жизненное время, сознание, бессознательное, контакт с реальностью.

Блауберг Ирина Игоревна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН.

irinablauberg@yandex.ru

Цитирование: БЛАУБЕРГ И.И. (2017) Философские темы в творчестве Э. Минковского // Философские науки. 2017. № 9. С. 34–49.

Эжен (Евгений) Минковский (1885–1972) мало известен в России (1). За рубежом, особенно во Франции, его имя знают хорошо. По профессии он был психиатром, но с юности приобщился к философии,

которая, наряду с достижениями современной ему психологии и психиатрии, постоянно оставалась в центре его внимания. Минковского считают инициатором феноменологической психиатрии во Франции. Его творчество, на мой взгляд, интересно сегодня с разных точек зрения. Прежде всего, оно отчетливо высвечивает особую область приложения философских идей: Минковский, вдохновленный концепциями Бергсона и Гуссерля, рассматривал их как теоретическую базу для собственного толкования проблем психиатрии и использовал в своей практической работе с пациентами. Помимо этого, его идеи важны в контексте сегодняшнего интереса к проблемам жизни, живого. Ведь главное философское произведение Минковского называется «Жизненное время» (оригинальное название этой работы — «*Le temps vécu*» — можно перевести и как «переживаемое» или «проживаемое» время); он постоянно размышлял о том (и анализировал в своей практической деятельности), какую роль играет время в жизни и сознании человека, как проявляются психические болезни в отношении индивида ко времени, в особенностях его восприятия.

Биография Минковского довольно сложна (2). Он родился 17 апреля 1885 г. в Санкт-Петербурге в семье евреев, выходцев из Польши. В 7 лет он вернулся с родителями в Польшу, в Варшаву, где получил среднее образование. В старших классах лицея получил первый импульс к философии: в своих воспоминаниях он писал, как, устроившись на скамейке в варшавском парке Лазенки с томиком Канта в руках, штудировал «Прологомены». Но параллельно в нем развивались и иные склонности: под влиянием чтения книг Льва Толстого, подхлестнувших настроения «ухода в народ», Минковский хотел выучиться на врача и отправиться в какую-нибудь глушь, чтобы самоотверженно лечить людей. Эта задача представлялась ему тогда наиболее достойной. В 1902 г. он приступил к изучению медицины в Варшавском университете, но в 1905 г., в связи с началом русской революции и развернувшейся вскоре борьбой студентов за введение обучения на польском языке, университет был закрыт. Поскольку отец Минковского был человеком состоятельным и мог оплачивать обучение сына, Евгений продолжил учебу вначале в Бреслау (теперешний Вроцлав, тогда он был немецким городом), затем в Мюнхене. В Германии он познакомился с сочинениями Бергсона и Шелера, оказавшими впоследствии, как позднее труды Гуссерля, сильное влияние на его теорию и практику психолога и психиатра.

К этому времени, если судить по воспоминаниям, Минковский уже разочаровался в медицине: «Медицина в ту эпоху, полностью подчиненная естественным наукам, была ориентирована исключительно материалистически. Все остальное считалось «метафизикой» и, следовательно, должно было строго осуждаться» [Minkowski 1963a, 38]. Труды по медицине, в которых вся психическая жизнь подчинялась

схемам физиологии мозга, вызывали в нем чувство протеста. В то время ему случайно попала в глаза книга Бергсона «Опыт о непосредственных данных сознания», и эта случайность во многом определила его дальнейшую научную деятельность. Чтение этой работы оказалось яркой вспышкой, осветившей иную перспективу исследований. Перечитывая ее впоследствии, Минковский замечал в ней излишний «натурализм» в трактовке времени, но первое впечатление сохранилось в памяти навсегда. Непосредственные данные сознания, жизненное время стали его постоянными темами. В это же время он прочел книгу Шелера «К феноменологии и теории чувства симпатии и о любви и ненависти», что стало для него первым знакомством с гуссерлевской феноменологией. Но, уже увлекаемый в сторону философии, он «по инерции» продолжал работать в Мюнхене над диссертацией по биологической химии.

В 1907 г., так как Варшавский университет все еще был закрыт, Минковский отправился в Казанский университет, чтобы получить диплом по медицине, признававшийся во всей России. Там произошла важная, наверное, встреча в его жизни: он познакомился с будущей женой, Франциской (Франсуазой) Брокман, которая оказалась в сходной ситуации, — ей тоже требовался российский диплом (впоследствии она также стала психиатром). Они поженились в 1913 г., и их дальнейшее творчество во многом было совместным. Вернувшись из Казани в Мюнхен, Минковский слушал курсы математики и философии в университете, там написал свои первые философские работы, в том числе о психофизиологическом параллелизме, принципе тождества и восприятию цветов. Он уже решил было бросить медицину ради философии, но в эти планы вмешалась война. Минковский с женой, будучи российскими подданными, уехали в Швейцарию, в Цюрих, где жил брат Минковского Мечислав, ставший неврологом. Там Минковский начал работать в Бургхёльцли, университетской клинике, где стал ассистентом известного психолога, исследователя шизофрении Ойгена Блейлера. Очевидно, в это же время он познакомился с Людвигом Бинсвангером, близким ему по духу швейцарским психиатром, который впоследствии стал основоположником экзистенциальной психиатрии; с ним Минковский и позже поддерживал дружеские контакты (3). Блейлер, которого Минковский характеризовал как убежденного «натуралиста и ассоцианиста», в своей практике и в соответствующих теоретических разработках выходил за рамки того, что официально защищал в теории. Уроки Бергсона и Блейлера именно в этот период совместились в сознании молодого исследователя; его практика психиатра и склонность к философскому осмыслению проблем вполне дополняли друг друга. Как он отмечал впоследствии, эти два основных влияния отразились в его книгах [Minkowski 1963a, 45].

Опыт жизни и работы в Германии очень пригодился Минковскому. Он хорошо знал немецкий язык, был знаком с немецкими философами и психологами, часто потом цитировал их, продолжал следить за их достижениями. Вначале он писал свои работы по-немецки, а потом, когда начал свою деятельность во Франции, испытывал сложности, перейдя на другой язык и пытаясь думать и писать на нем. Если бы не война, он мог бы остаться в Германии и стать в итоге немецким философом. Но судьба распорядилась иначе. В марте 1915 г. Минковский с женой уехали в Париж; там он вступил добровольцем во французскую армию как военный врач и отправился на войну. Он участвовал в битвах на Сомме и у Вердена, за мужество был награжден впоследствии Орденом Почетного легиона и крестом «За боевые заслуги». После войны он отбыл вместе с оккупационными войсками в Германию, в 1920 г. был демобилизован и вернулся во Францию, с которой отныне связал свою жизнь. Импульсом к такому решению, как вспоминал позже Минковский, был поступок одного француза, который помог ему в сложной ситуации на войне.

Поскольку у Минковского не было французского диплома, он продолжил в Париже изучать медицину. В 1925 г. вместе с группой единомышленников основал журнал «Развитие психиатрии» («*Evolution psychiatrique*»), который стал важным этапом в истории психиатрических исследований и практики. В 1926 г. он защитил диссертацию под названием «Понятие утраты живого контакта с реальностью и его применение в психопатологии». Он много работал, проводил консультации в разных больницах и клиниках, в том числе в больнице Св. Анны.

В 1927 г. Минковский опубликовал труд «Шизофрения» (4), где высказал ряд философских идей, которые подробно изложил в 1933 г. в книге «Жизненное время». В этот же период он познакомился с Луи Лавелем, заведовавшим тогда философским отделом в газете «*Le Temps*». С Лавелем, а потом и с его соратником Рене Ле Сенном — представителями французской философии духа — Минковский поддерживал дружеские отношения; Лавель неоднократно помогал ему с публикациями работ. В 1936 г. он опубликовал в своей серии «Философия духа» книгу Минковского «К космологии. Философские фрагменты». Здесь автор продолжил разрабатывать антропологическую философию, предмет которой, по его словам, — «человеческая душа, в тех связях, которые соединяют ее со вселенной» [Minkowski 1936, 13]. Эти две книги — «Жизненное время» и «К космологии» — дополняют друг друга, во второй из них дается обоснование ряда положений, высказанных в первой. Начиная с работы «К космологии» Минковский отдавал предпочтение жанру фрагментов, отмечая, что это не вполне соответствует принятому представлению об изложении результатов философского исследования. Но для него всякий такой фрагмент был

своего рода наброском, запечатленным взглядом, представлявшим в потенции то, что должно быть еще обдуманно и развито. В книге он пояснял, что вообще жизнь человеческая стала фрагментарной: в потоке событий и явлений, в ускорившемся ритме все труднее сохранить целостность восприятий и впечатлений. «Недавнее бедствие потрясло мир и человечество. Кажется, что основание, на котором покоилась жизнь, рухнуло, и мы еще не видим никакой новой, “умиротворяющей” идеи, вышедшей из-под обломков; самое большее — это попытки переделать старые, “довоенные” формулировки, в соответствии с потребностями момента. Они черпают свою силу, или, точнее, видимость силы, в неразрешимых антитезах, в криках борьбы и ненависти... И жизнь, идет ли речь о жизни внутренней или внешней, таким образом дробится на силы, на факторы, на элементы, которые противостоят друг другу — в формах изначальных антитез — на том, что мы привыкли называть великой сценой жизни» [Minkowski 1936, 10]. Современный человек, писал Минковский, не находит ответа на новые проблемы, рождающиеся в нем, поскольку пока не видит способов их выразить. А потому жизнь индивида, подавленного тяжестью существования и бесчисленными заботами, не имеющего ясной перспективы, неспособного выделить направляющую линию в тех поворотах, на которые обрекла его судьбы, естественно выражается в «фрагментарной» форме мышления. Конечно, здесь Минковский прежде всего объясняет собственный стиль письма, но проблемы, описанные им, носят и общий характер.

Во время Второй мировой войны Минковские с детьми оставались в Париже, несмотря на смертельную опасность. Еще в 1933 г., когда в Париже разместилась организация, помогавшая еврейским детям (5), Эжен вступил в нее и возглавил ее исполнительный комитет. До июня 1940 г. члены организации смогли спасти более 2000 детей, а также и взрослых, пряча их в своих домах, а затем переправляя их на юг — в зону, свободную от оккупации. И потом, до самого освобождения страны, Минковский продолжал эту деятельность. В августе 1943 г. он и его семья чудом избежали гибели: к ним в дом явилась полиция, чтобы их арестовать. Но, к счастью, полицейские не слишком усердствовали, выпустили из дому дочь Минковских, она сообщила о грозящей беде друзьям семьи и те сумели вовремя принять меры.

После войны Эжен вернулся к научной и практической работе. Его жена скончалась в 1950 г., и он активно сотрудничал в созданной вскоре Ассоциации друзей Франсуазы Минковской, готовил к изданию ее сочинения. В 1955 г. стал почетным доктором медицинского факультета Цюрихского университета, а в 1965 г. — Медицинской академии в Варшаве. В 1966 г. вышел в свет его фундаментальный труд «Трактат о психопатологии» — плод долгих исследований (еще в конце 1930-х гг. Луи Лавель предложил ему написать эту книгу для новой серии «Ло-

гос»). В конце жизни Минковский работал над книгой «Метафизика становления», публиковал в разных журналах фрагменты из нее (6), но завершить ее не успел. Он скончался 15 ноября 1972 г.

Сочинения Минковского выдержали не одно издание и продолжают переиздаваться.

Одна из его любимых фраз: «Человек создан для того, чтобы исследовать человеческое» [Minkowski A. 1995, 399]. Этим он сам занимался всю жизнь, создав особый вариант антропологии, в которой опирался на идеи Бергсона, Гуссерля и Шелера. Бергсон всегда оставался для него на первом плане, с ним он чувствовал особое идейное родство, хотя не следовал слепо его концепции, а вносил в нее серьезные коррективы. «Впоследствии, — как писал Минковский, вспоминая свои ранние философские штудии, — гуссерлевская феноменология присоединилась к бергсонизму, поскольку оба они, сосредоточенные на видении непосредственных данных, близки друг другу» [Minkowski 1995, XIV]. Достоинством учения Бергсона о непосредственных данных сознания и феноменологической позиции он считал выявление того, что постоянно искажает перспективу, препятствует такому видению. Как замечает Герберт Шпигельберг в книге «Феноменология в психологии и психиатрии», «Минковский — не феноменолог в каком-то специальном смысле» [Spiegelberg 1972, 236]. Действительно, в своих теоретических исследованиях и в практической работе он пытался объединить идеи обоих мыслителей, усматривая в них сходство. Само представление о сознании было у него близко к бергсоновскому: будучи непрерывным потоком взаимопроникающих состояний, сознание, вместе с тем, всегда является открытым миру. «Никогда я не чувствовал себя в плену субъективного; обращаясь к своему сознанию, я прежде всего видел за его пределами объективные категории. Можно было бы сказать, что сама сущность жизни состоит в том факте, что душа, ищущая себя, теряет себя из виду, чтобы открыть весь мир перед собой, чтобы раскрыть прежде всего связи, которые соединяют ее с общей структурой этого мира» [Minkowski 1936, 13]. Попытка определить психическое как таковое, взятое изолированно, только в его субъективном значении, неизбежно окажется, полагал Минковский, неэффективной, безрезультатной.

Это стремление к выходу за рамки субъективного, нацеленность на взаимосвязи универсума, в которые вовлечено и сознание самого человека, определило название его книги «К космологии». Поясняя связь между этой книгой и предшествующей ей работой «Жизненное время», он писал о том, что идея о путешествии вокруг его собственного сознания в итоге совпала с идеей о путешествии вокруг универсума. Свою задачу он видел в исследовании — путем анализа сознания — феноменов жизни, которые, как он полагал, лежат гораздо глубже, чем то, что открывают органы чувств. Последние дают скорее

некое огрубление, сгущение этих первичных феноменов. Например, внимание, видение или отголосок (отзвук) понимаются Минковским гораздо шире, чем обычно, — они являются примерами таких первичных феноменов. Так, резонанс или отголосок (*retentissement*) предстает как фундаментальное свойство мира, выражая исходную взаимосвязь его различных форм и явлений; внимание тоже является, с этой точки зрения, одним из существенных конститутивных элементов жизни, вокруг которого группируется целый ряд сходных феноменов [Minkowski 1936, 97]. В этом заложено основание взаимопонимания людей: ведь «непосредственные данные» их сознания существенным образом связаны с общей структурой жизни. В этом смысле Минковский говорил о структурном значении психических феноменов, или о «структурной общности между я и миром» [Minkowski 1936, 100]. Один из рецензентов так отозвался об этой книге: ее цель — «эксплицировать наше открытие мира путем феноменологического анализа актов, посредством которых оно происходит, чувств, какие оно вызывает у нас, и языка, в котором мы выражаем те и другие. С несравненным искусством он [автор] очень конкретно объясняет нам, как это открытие, которое нельзя осветить с помощью одной лишь физиологии, находится, тем не менее, на стыке психического и биологического, а вместе с тем и физического» [Ecole 1969, 544].

Что же касается науки, которая опирается на данные органов чувств, то она не достигает, считал Минковский, глубинных уровней, с которыми, между тем, связано все наиболее «человеческое» в человеке (этот термин — «человеческое» — он часто использовал). Отсюда и его критика науки, которая была порой более резкой, чем у Бергсона. Минковский, как и другие мыслители его времени, писал о фатальной оборотной стороне научных открытий, развития техники, направленного против человека, что проявилось в полной мере на полях сражений Первой мировой войны. С его точки зрения, науки депозитизировали мир, придя к тому, что является наиболее прозаическим в мире, — к тому, что они называют «объектом». Но «духовная и поэтическая атмосфера присуща миру в той же мере, что и научные факты, и мы не могли бы постоянно ее игнорировать» [Minkowski 1936, 14]. Поэтому он и пытался передать в своей книге эту «поэзию жизни», как мог, языком прозы.

В одной из поздних работ Минковский писал, что его книга «К космологии» стала точкой встречи с Башляром, которого он очень ценил. В статье об этом французском философе он отмечал: Башляр «стремится постичь и показать нам реальность в полном смысле слова, рассматривая поэзию как составную часть этой реальности и таким образом обеспечивая новые данные, касающиеся структуры человека, жизни и космоса, рассмотренных именно под таким углом зрения» [Minkowski 1963с, 425] (7). Действительно, работа «О космологии»

чем-то похожа на вышедшие позднее эссе Башляра, посвященные воображению; в стиле, порой близком к поэтическому, она представляет, можно сказать, своеобразную феноменологию жизни. Вероятно, в каком-то смысле Минковского можно назвать предшественником позднейших вариантов феноменологии жизни.

В концепции Минковского время принадлежит к важнейшим глубинным феноменам жизни. Еще на войне он начал писать заметки под общим названием «Смерть», которые позже в переработанном виде вошли в книгу «Жизненное время». Считая время одной из главных проблем современной культуры, он видел задачу человека в том, чтобы научиться спонтанно и свободно жить во времени. Если учесть, что он понимает время как становление в бергсоновском смысле, как суть самого бытия, как синоним жизни, то ясно, что речь у него идет не о том, чтобы, как говорят, «шагать в ногу со временем», а о том, как выстраивать свое взаимодействие с этим потоком становления, в который человек всегда включен, но не должен оказаться его пленником (8).

Поскольку человек живет во времени, ему сложно теоретически его осмыслить — нет должной дистанции. Время как первичный феномен нашей жизни оказывается чересчур близко к нам, здесь в полной мере проявляется несоизмеримость между становлением и мышлением. А потому, по Минковскому, важно учитывать данные из сферы психопатологии, поскольку там особые формы восприятия времени при их сопоставлении с обычными, привычными, помогают ярче высветить важнейшие характеристики времени. А с другой стороны, весь ряд психопатических проявлений может быть понят и углубленно рассмотрен именно под углом зрения времени, поскольку феномен времени полагается и организуется в больном сознании иначе, чем обычно. Как пишет один из исследователей, речь идет о «необходимости постоянно сопоставлять нормальный опыт мира и опыт патологический, не для того чтобы провести различие между подлинным или неподлинным, но чтобы схватить через восприятия человека, называемого нормальным или больным, его видение мира или его способ бытия в мире» [Namer 1971, 246].

Понятие жизненного порыва хорошо передает время, становление, направленность в будущее, чего не учитывала, по Минковскому, традиционная психология, которая обычно связывала восприятие времени с памятью, с прошлым, и часто упускала из виду как раз нацеленность в будущее. Именно жизненный порыв придает смысл жизни, составляет наиболее существенное в ней. Минковский перетолковывает понятие жизненного порыва, избегая, в отличие от Бергсона, обращения к сфере биологических фактов и выдвигая на первый план феноменологический подход, т.е., как он пишет, оставаясь «в области чистых феноменов» [Minkowski 1995, 20]. Он хочет

описать, каким образом темпоральные феномены, такие как длительность, последовательность, «теперь», настоящее, будущее, прошлое и тесно связанные с ними активность, ожидание, желание, надежда, нацеленность на благо, или этический порыв, предстают в сознании. Для него важнейшую роль играет индивидуальный, личностный порыв, с помощью которого человек утверждает себя в окружающем мире, реализует себя. Порыв личностен, но не субъективен, «он никогда не приходит единственно от я, никогда не ограничивается я, поскольку в этом порыве я сразу чувствует себя солидарным с жизнью» [Minkowski 1936, 43]. Он содержит сверхиндивидуальный фактор, неразрывно связанный с человеческим «я». Ведь нередко в решающие моменты жизни человек чувствует, что его ведет какая-то сила, которая его превосходит. Минковский поясняет, что охотно заимствовал бы фрейдовское понятие «сверх-я», но в ином значении: как то, что является наиболее «моим» во мне. Речь в данном случае идет не о мистическом чувстве, имеющемся у любого человека, но о чувстве потока становления, в который включена жизнь человека. Минковский относит его к области непосредственных данных сознания. Человек — дитя времени, становления в целом, и это придает абсолютную ценность тому, что он стремится реализовать в жизни. «Я несу в себе понятие универсальной судьбы, я несу в себе, в своем личностном порыве, понятие духовной общности с чем-то, что меня превосходит и ведет, но, будучи иррациональным в своей сущности, не может быть ни отделено от меня, ни более точно определено» [Minkowski 1936, 45]. Я утверждаю себя, сразу соотнося с собой это «сверх-я», или, в конечном счете, не-я. Таким образом создается неделимая дуальность я и не-я, рассматриваемая в аспекте становления. Индивидуальный порыв, по Минковскому, как бы фонтанирует из глубокого истока человеческого существа, самого истока жизни. И в этом плане нельзя согласиться со Шпигельбергом, который пишет, что «бергсоновский общий жизненный порыв становится в феноменологии Минковского личным порывом» [Spiegelberg 1972, 244]. Нет, общий порыв остается в концепции Минковского, хотя и не в такой форме, как у Бергсона; он ведь не случайно хотел разработать *метафизику становления*.

С понятием личностного, или индивидуального, порыва у Минковского диалектически соотносится понятие жизненного контакта с реальностью. Если порыв увлекает человека вперед, — а в чем-то и ограничивает, коль скоро человек движется именно в одном, конкретном направлении, — то постоянное возобновление контакта с реальностью позволяет расширить горизонт, обрести новые силы для дальнейшего движения. В книге «К космологии» философ называет это антропокосмическим конфликтом [Minkowski 1936, 199]: человек, изначально погруженный в поток становления, постоянно чувствует

ностальгическое желание вернуться в него, как к своему истоку, но должен утверждать себя, все время отрываясь от этого истока.

Если порыв неразрывно связан с активностью, то контакт с реальностью осуществляется путем созерцания, которое, впрочем, тоже динамично, не означает неподвижности или инертности. При таком контакте напряжение, свойственное порыву, сменяется чувством покоя и расслабления, но здесь подспудно происходит взаимопроникновение человека с созерцаемым объектом. Минковский характеризует это состояние как симпатию в этимологическом смысле слова, т.е. как достижение единства, общности с окружающим становлением, с реальностью, с себе подобными. Он понимает симпатию, опять же во многом следуя Бергсону (а также Шелеру), как «первичный и сущностный феномен жизни» [Minkowski 1995, 62], как то, что является наиболее «естественным», человеческим в нас. Именно такая симпатия, полагает он, осуществляет первичную связь с миром, а не восприятие. Из первичной симпатии вырастает интуиция, которая одна только способна наметить нужную линию поведения, определить меру и границы действий, установить согласие человека с самим собой и с жизнью. Контакт с реальностью, или жизненный синхронизм (*synchronisme vécu*), выражается также в чувстве движения в согласии с временем: это, по словам Минковского, чувство единого ритма, общего нам и окружающему становлению.

Понятия личностного порыва и контакта с реальностью автор «Жизненного времени» соотносит с понятиями шизоидности и синтонии, которые, опираясь на исследования Э. Кречмера, разрабатывал Блейлер, видя в них, как подчеркивает Минковский, не просто вклад в характерологию, но выражение двух фундаментальных начал жизни. Синтония предполагает способность жить в согласии, в гармонии с окружающим миром, а шизоидность, напротив, обозначает способность отделяться от мира, замыкаться, пусть на время, в себе. Оба эти термина часто использует сам Минковский, толкуя их как конкретизацию более общих понятий контакта с реальностью и порыва.

Человеческая жизнь, по Минковскому, складывается из циклов, в которых порыв, создающий лауну, разрыв между человеком и миром, сменяется возобновлением контакта с реальностью, и наоборот. Но этот процесс нельзя понимать «геометрически», т.е. как регулярную смену состояний покоя и творчества. Данные состояния тесно переплетены, взаимопроникают, находятся в сложном взаимодействии: «...это подлинная драма, но и подлинное величие нашей жизни» [Minkowski 1995, 71].

В рамках данной концепции Минковский формулирует свое представление о бессознательном. То «глубинное измерение», о котором он говорит в связи с бессознательным, в чем-то сближает его с представителями «глубинной психологии», в частности с фрейдизмом, но

тракуется им по-иному. Этическую сторону фрейдизма он видит в том, что фрейдовский психоанализ учит нас не очень доверять сознательным побуждениям своих действий; однако психоанализ заменяет эти побуждения бессознательными, созданными по образу первых, и полагает, что все бессознательное сводится к этому. Но Минковский понимает бессознательное гораздо шире. С его точки зрения, оно восходит к истокам жизненного порыва, а потому является «неиссякающим источником жизни» [Minkowski 1995, 51]. Бессознательное указывает не на некую недостаточность усилий самопознания, нацеленного на накопление суммы знаний, а на возобновление контакта с истоком собственной жизни. Этот источник определяет и первичную, исходную связь между человеком и другими людьми, ему подобными, — не в поверхностных и внешних проявлениях, а в глубинных стремлениях, ориентированных на поиск позитивных ценностей. Такое бессознательное, в силу своего динамического и живого характера, не может быть выражено столь же ясно, как статические элементы. Поэтому в человеческой жизни, несмотря на успехи научного познания, всегда будет оставаться тайна; отвергать тайну, писал Минковский, — значит отвергать само становление, чей принципиально непредсказуемый и незавершенный характер противоречит каузальным рациональным объяснениям, одно из которых, как он считал, было предложено фрейдизмом. Сторонники подобных подходов, по его мнению, полностью подчиняют человека какому-то аспекту его жизни; они делают из него «*homo libidinosus*, который, как *homo economicus*, *homo sapiens* или вообще всякий *homo* с каким бы то ни было определением, в какой-то момент преграждает путь к пониманию человека» [Minkowski 1995, 228]. Поэтому в психологии он выступал сторонником дильтеевского понимания, а не объяснения, и методом такого понимания считал интуицию. Выслушать за несколько часов рассказы пациента, лежащего на знаменитой «кушетке», — это не для него. Его психотерапевтическая практика была иной: он нередко поселялся вместе с пациентом, ежедневно беседовал с ним, пытался «вжиться», проникнуть в его сознание, понять изнутри. Порой это длилось по несколько месяцев. Он не отвергал и других методов, но этот считал особенно важным. Наряду с таким интуитивным знанием необходим, по Минковскому, и феноменологический анализ самой структуры сознания пациента. Он все время подчеркивал, что психиатр имеет дело с единой, целостной живой личностью, а не с отдельными органами или функциями, и психическая болезнь является выражением всей этой личности, свидетельствует об общем изменении структуры психической жизни.

Стремясь определить природу различия между психикой больного и здорового человека, Минковский связывает это различие с тем, удается ли «жизненному порыву», присущему каждому человеку, гармо-

низировать его контакт с реальностью, успешен ли жизненный, или витальный, синхронизм. В случаях шизофрении, аутизма такой контакт нарушается. Здесь очень важен тот способ, «каким живое я помещает себя по отношению ко времени и пространству, разумеется, не к измеримому времени и геометрическому пространству, но ко времени и пространству, которые, даже лишенные их конкретного и материального содержания, все же отнюдь не являются мертвыми формами, но показывают себя, напротив... полными жизни» [Minkowski 1995, 237]. Минковский хотел выявить внутреннюю структуру душевных расстройств, выражающихся в искаженном восприятии времени (здесь особую роль играет идея смерти) и пространства. Поэтому свой метод он иногда называл структурно-феноменологическим.

Впоследствии Минковский вспоминал, что с самого начала он исходил из несомненного приоритета динамики над статикой. Именно с этой позиции была написана книга «Жизненное время», где он попытался найти «промежуточные звенья» между проживаемой длительностью и измеримым временем, устанавливая тесную связь между ними. «Мы полагаем, что очертили таким образом более детальную и структурированную феноменологию времени» [Minkowski 1963b, 253]. Здесь автор явно меняет бергсоновскую перспективу, уходя из теории в область реальной жизни, где, как это признавал и сам Бергсон, все смешано, где нет столь резких оппозиций, нет противопоставления длительности и времени, доступного измерению.

Интересно, что в своей книге о времени Минковский уделяет внимание и пространству, говоря о необходимости аналогично исследовать и жизненное, или переживаемое, пространство (*espace vécu*) – первичное, еще не обретшее своих геометрических свойств. Такое пространство не разделяет и делает неподвижным время (о чем писал Бергсон), но, напротив, оживляется временем, сообщаящим ему свою подвижность и динамику. Хотя бергсоновское понятие длительности, по словам Минковского, способствовало серьезному прогрессу в области психологии и психопатологии, оно тем самым оттеснило на задний план проблему пространства. В книге «Жизненное время» он лишь наметил некоторые возможные подходы к этой проблеме: «Мы живем и действуем в пространстве, и именно в нем разворачивается как наша персональная жизнь, так и коллективная жизнь человечества. Жизнь простирается в пространстве, не обладая для этого собственно геометрической протяженностью. Чтобы жить, мы нуждаемся в протяженности, в перспективе. Пространство столь же необходимо для развития жизни, как и время» [Minkowski 1995, 367]. Именно в свободном пространстве, отделяющем человека от окружения, может беспрепятственно разворачиваться человеческая жизнь и активность. В этом плане особенно важным Минковский считал понятие жизненной дистанции (*distance vécue*), которое он

рассматривал как необходимый компонент будущей феноменологии пространства.

В творчестве Минковского проявилась и еще одна «бергсоновская» тема. Представление о непрерывном потоке становления приводит к вопросу о том, как возможно его постичь, как «схватить» постоянно ускользающую текучесть. Минковский, как и Бергсон, размышлял о границах классического рационализма, которые становятся явными, когда идет речь о неделимом процессе становления. В этом плане он противопоставлял мышлению рефлексивную рефлексию, истоком которой считал симпатию, обосновывающую и скрепляющую всякое понимание. Симпатия, по Минковскому, — если рассматривать ее на уровне социальном — выходит далеко за рамки повседневного общения людей, она коренится в первичной солидарности, сообществе людей. «Мышление может вести к общему, абстрактному; в этом абстрактном оно может заплутаться, затеряться. Рефлексия близко касается жизни, остается в контакте с ней» [Minkowski 1963b, 245]. Мышление можно передать, сообщить, рефлексию — нет. Но это не значит, что рефлексия имеет лишь индивидуальное значение, ведь ее опорой является не абстрактное общее (*général*), но совместное (*commun*). В такой трактовке рефлексии, которая оказывается родственной интуиции, Минковский близок традиции французской рефлексивной философии, восходящей к Мен де Бирану.

В конце жизни, размышляя о том, кто же он такой — психиатр-психопатолог или философ-метафизик, Минковский оглядывался на путь, пройденный психопатологией с начала его собственной деятельности, и отмечал, что в этой сфере все больше укрепляется антропологическое течение, связанное не с влиянием того или иного философа, а с тем, что ученые и практики, такие как его учитель Блейлер, сами приходили в своей работе к выводам, близким тем, которые формулировала философия. Ведь сколь бы обширными ни были биологические знания и медицинские достижения, в какой-то момент эти науки оказываются недостаточными. Становится необходимой другая оптика, показывающая необходимость изучения самого способа существования современного человека. «С этой точки зрения, философия и науки о человеке встречаются в той мере, в какой они располагаются под знаком человеческого и обращаются к судьбе, к способу существования человека» [Minkowski 1963a, 51]. Дело не во «вторжении» в чужую область, а в общих тенденциях, которые Минковский видел вполне отчетливо. И там, где философия решительно движется по этому пути и не чрезмерно увлекается «метафизикой», она, по его словам, оказывается даже наиболее конкретной из наук. «В этом смысле она создана для того, чтобы оплодотворять наши отдельные дисциплины, которые, как мы видели, сами вступают на этот путь» [Minkowski 1963a, 51].

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В книге [Власова 2010] ему посвящена одна глава.
- (2) В изложении биографии я опираюсь на воспоминания Э. Минковского [Minkowski 1963a, 38–51], а также на электронный ресурс [Eugène Minkowski].
- (3) В 1922 г. на конгрессе по психиатрии в Цюрихе Минковский вместе с Бинсвангером отстаивал феноменологический подход [см. Gabaude 1997, 559].
- (4) Он вспоминал, что просил Бергсона написать предисловие к этой книге, но получил вежливый отказ. Однако вскоре, когда Бергсон стал нобелевским лауреатом по литературе и газета «Les Nouvelles littéraires» опубликовала специальный номер, посвященный этому событию, а Минковский принял в нем участие, Бергсон сам написал ему и пригласил к себе. Так состоялась их первая личная встреча, за которой последовали и другие [Minkowski 1963a, 47].
- (5) Эта организация – l'Union-OSE (Œuvre de Secours aux enfants) была создана в 1912 г. в Санкт-Петербурге.
- (6) См., например: [Minkowski 1959; Minkowski 1970].
- (7) Башляр в своих работах неоднократно упоминает имя Минковского. Например, в книге «Поэтика грёзы» читаем: «...феноменолог, не нуждающийся ни в чьем обществе, в изобилии имеет необходимый ему материал. Феноменолог может оживить свое поэтическое сознание, открывая книгу и пробуждая к жизни тысячу спящих в ней образов. Он резонирует образу в том смысле феноменологического резонирования, которое так хорошо охарактеризовал Евгений Минковский» [Башляр 2009, 13].
- (8) В книге «Жизненное время» Минковский пишет, что познакомился с «Бытием и временем» Хайдеггера, но его собственная работа над книгой к этому моменту уже завершалась и не было возможности обсудить общие моменты и различия [Minkowski 1995, 16].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Башляр 2009 – *Башляр Г.* Поэтика грёзы // *Башляр Г.* Избранное. Поэтика грёзы. – М.: РОССПЭН, 2009. С. 5–182.
- Власова 2010 – *Власова О.* Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: история, мыслители, проблемы. – М.: Территория будущего, 2010.
- Ecole 1969 – *Ecole J.* Eugène Minkowski. Vers une cosmologie. Fragments philosophiques // *Les études philosophiques.* 1969. № 4. P. 543-544.
- Eugène Minkowski – *Eugène Minkowski* (1885–1972). Biographie. – URL: http://www.minkowska.com/sites/default/files/pdfs/eugene_minkowski.pdf (дата обращения 20.05.2017).
- Gabaude 1998 – *Gabaude J.-M.* Eugène Minkowski. Au-delà du rationalisme morbide. Paris et Montreal, L'Harmattan, 1997 // *Revue philosophique de la France et de l'étranger.* 1998. № 4. P. 558-559.
- Minkowski A. 1995 – *Minkowski A.* “L'honnête homme”, Eugène Minkowski // *Minkowski E.* Le temps vécu. – Paris: PUF, 1995. P. 399-400.
- Minkowski 1995 – *Minkowski E.* Le temps vécu. – Paris: PUF, 1995.
- Minkowski 1963a – *Minkowski E.* Regards sur le passé. Une page d'histoire vécue // *Les philosophes français d'aujourd'hui par eux-mêmes.* – Paris: Centre de Documentation Universitaire, 1963. P. 38-51.

Minkowski 1963b – *Minkowski E.* Devant une feuille de papier blanche. Avant-dernières pensées // *Revue philosophique de Louvain*. 1963. Vol. 61. № 70. P. 241-281.

Minkowski 1963c – *Minkowski E.* Vers quels horizons nous emmène Gaston Bachelard? // *Revue internationale de philosophie*. 1963. Vol. 17. № 66 (4). P. 419-440.

Minkowski 1959 – *Minkowski E.* L'irrationnel, donnée immédiate (Sur la voie tracée par Henri Bergson) // *Revue philosophique de la France et de l'étranger*. 1959. № 149. P. 289-304.

Minkowski 1970 – *Minkowski E.* Question, interrogation, problème // *Revue de métaphysique et de morale*. 1970. № 3 (Juillet–Septembre). P. 257-261.

Minkowski 1936 – *Minkowski E.* Vers une cosmologie. Fragments philosophiques. – Paris: Fernand Aubier, 1936.

Namer 1971 – *Namer E.* Eugène Minkowski. Filosofia, Semantica, Psicopatologia. Traduction et presentation de Mario Francioni. Milan, Mursia, 1969 // *Revue philosophique de la France et de l'étranger*. 1971. T. 161. P. 246-247.

Spiegelberg 1972 – *Spiegelberg H.* Phenomenology in Psychology and Psychiatry. A historical introduction. – Evanston (Il): Northwestern University Press, 1972.

PHILOSOPHICAL SUBJECTS IN THE E. MINKOWSKI'S WORK

I.I. BLAUBERG

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Summary

Eugène Minkowski (1885–1972) is the founder of phenomenological psychopathology in France. He developed, based on ideas of Bergson, Husserl and Scheler, a peculiar variant of philosophical anthropology, which is based on the concept of life time (le temps vécu). Considering the problem of time as one of the main problems of modern culture, he saw the man's task in learning to live spontaneously and freely in time. Realizing time as becoming in the Bergsonian sense, as the essence of being itself, as a synonym for life, Minkowski reinterprets the concept of élan vital, avoiding resorting to the sphere of biological facts and highlighting the phenomenological approach. From his point of view, the individual and personal impulse with which the person is asserted in the surrounding world representing the superindividual factor, inseparably connected with the human consciousness, plays the most important role. Criticizing traditional psychology, as well as Freudian psychoanalysis, Minkowski develops his own concept of the unconscious. In an effort to determine the nature of the difference between the psyche of a patient and a healthy person, he links this difference to whether the “élan vital” inherent in each person manages to harmonize his contact with reality.

Keywords: E. Minkowski, philosophical anthropology, life time, consciousness, unconscious, contact with reality.

Blauberg, Irina – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow at the Department of the Contemporary Western Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Science, Moscow.

irinablauberg@yandex.ru

Citation: BLAUBERG I.I. (2017) Philosophical Subjects in the E. Minkowski's Work. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 9, pp. 34-49.

REFERENCES

Bachelard G. (1960) *The Poetics of reverie* (Russian Translation: Russian Political Encyclopedia, Moscow, 2009, pp. 5-182).

Ecole J. (1969) [Compte rendu:] Eugène Minkowski. Vers une cosmologie. Fragments philosophiques. In: *Les études philosophiques*. 1969. No 4, pp. 543-544.

Eugène Minkowski (1885–1972). Biographie. Available at: http://www.minkowska.com/sites/default/files/pdfs/eugene_minkowski.pdf (accessed 20.05.2017).

Gabaude J.-M. (1998) Eugène Minkowski. Au-delà du rationalisme morbide. Paris et Montreal, L'Harmattan, 1997. In: *Revue philosophique de la France et de l'étranger*. 1998. No 4, pp. 558-559.

Minkowski A. (1995) "L'honnête homme", Eugène Minkowski. In: Minkowski E. *Le temps vécu*. PUF, Paris, 1995, pp. 399-400.

Minkowski E. (1963) Regards vers le passé. Une page d'histoire vécue. In: *Les philosophes français d'aujourd'hui par eux-mêmes*. Centre de Documentation Universitaire, Paris, 1963, pp. 38-51.

Minkowski E. (1963) Devant une feuille de papier blanche. Avant-dernières pensées. In: *Revue philosophique de Louvain*. 1963. Vol. 61. No 70, pp. 241-281.

Minkowski E. (1963) Vers quels horizons nous emmène Gaston Bachelard? In: *Revue internationale de philosophie*. 1963. Vol. 17. No 66 (4), pp. 419-440.

Minkowski E. (1959) L'irrationnel, donnée immédiate (Sur la voie tracée par Henri Bergson). In: *Revue philosophique de la France et de l'étranger*. 1959. No 149, pp. 289-304.

Minkowski E. (1995) *Le temps vécu*. PUF, Paris.

Minkowski E. (1970) Question, interrogation, problème. In: *Revue de métaphysique et de morale*. 1970. No 3 (Juillet-Septembre), pp. 257-261.

Minkowski E. (1936) *Vers une cosmologie. Fragments philosophiques*. Fernand Aubier, Paris.

Namer E. (1971) [Compte rendu:] Eugène Minkowski. Filosofia, Semantica, Psicopatologia, traduction et presentation de Mario Francioni. Milan, Mursia, 1969. In: *Revue philosophique de la France et de l'étranger*. 1971. T. 161, pp. 246-247.

Spiegelberg H. (1972) *Phenomenology in Psychology and Psychiatry. A historical introduction*. Northwestern University Press, Evanston, Il.

Vlasova O. (2010) *Phenomenological Psychiatry and Existential Analysis: History, Thinkers, Problems*. Territoriya budushchego Publ., Moscow, 2010 (in Russian).